

ВЛАДИМІР ОРТ РЕСПУБЛИКА ЛЮБВИ

С предисловіем

Н. Н. Евреинова

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

150

Цѣна 5 руб.

ПОРТРЕТЪ АВТОРА.

Владиміръ Ортъ.

РЕСПУБЛИКА ЛЮБВИ.

КНИГА СТИХОВЪ И ПРОЗЫ

Съ предисловіемъ

Н. Н. ЕВРЕИНОВА.

(Рис. на обложку—Бёрдслей).

ПЕТРОГРАДЪ.

1918.

Н. Н. ЕВРЕИНОВЪ.

АПОЛОГЕТЪ НАРКОЗА.

(Предисловіе).

Бываетъ настроеніе, когда хочется читать Евангеліе и только Евангеліе.

И другое,—когда хочется „Декамерона“ или чего-то въ этомъ родѣ.

Очень плохо понимается и мало цѣнится Матвѣй, Лука и даже Маркъ съ Іоанномъ, когда хочется „Боккачіо“, равно какъ мало убѣдительно (литературно убѣдительно!) талантъ Боккачіо, когда уши души жаждутъ глагола святыхъ рыбаковъ.

Постиженіе любого автора нуждается въ подходящемъ къ нему настроеніи.

Скажутъ: — это ужъ дѣло автора создать требуемое настроеніе; хорошій авторъ тѣмъ и отличается отъ плохого, что заражаетъ собою, своимъ настроеніемъ инаконастроеннаго.

Конечно. Но какъ всякая земная истина, и эта истина относительна.

Если-бы Достоевскаго читали исключительно въ трамваяхъ нашего времени, я не думаю, что-

бы „жестокіи талантѣ“ его дошелъ до насъ такъ скоро и полно, какъ это случилось при болѣе мирвольной для погруженья въ „достоевщину“ обстановкѣ. Не правда-ли?

Очень смѣшенъ и забористъ развязный юмористъ Аверченко, но.. у постели вашей больной матери, а тѣмъ паче — у смертнаго одра ея, не властенъ веселить даже этотъ испытанныйши изъ сатириконцевъ.

Всему свое мѣсто и время; — для **Владимира Орта**, какъ и для всякаго другого!

Вотъ обстоятельства, при которыхъ я познакомился съ музой этого „вселенскаго сутенера“, какъ, между прочимъ, называетъ себя авторъ „Республики Любви“ Хотите ихъ знать?

Былъ вечеръ (ночь?) у одного изъ богатыхъ деньгами и фантазіей эпикурейцевъ N***. Много вина, сластей, а главное обнаженныхъ дѣвушекъ. „Аѳинскій вечеръ“, — кажется, такъ называются подобныя ночи у нашей благонамѣренной буржуазіи. Въ качествѣ автора книги „Нагота на сценѣ“, и я (спасибо!) оказался въ числѣ приглашенныхъ. Было скучно? Нѣтъ; хотя большинство подобныхъ „вечеровъ“, при отсутствіи талантливой режиссуры, всегда немножко прѣсны à la longue. Оказалось слишкомъ много „своихъ“, и это, выражаясь невѣжливо въ отношеніи хозяина, „спасло положеніе“. Я былъ въ хорошемъ настроеніи духа. Стало быть, могъ сочувственно-критически откликнуться на всякое явленіе, гармонировавшее

съ моимъ настроеніемъ. Среди такихъ явленій (я опускаю всё прочя) оказался и мой новый знакомый В. Ортъ. Онъ сидѣлъ за пьянино и блѣдный, сдержанный, голосомъ очень ровнымъ, безъ малѣйшей аффектаціи, докладывалъ, едва дотрагиваясь до клавишъ, что онъ

*„Поэтъ будуарно-кушетный,
Отравно-альковый поэтъ“*

пѣлъ о томъ, что:

*„Любовь не должна быть стыдливою,
Скромность—преграда любви...“*

что у него тѣло —

*„сексуальное“
Въ каждой частицѣ своей“,*

что „любви и страсти“ ему не надо, а *хочетъ* онъ только однихъ „хотѣній“, что:

„Любимое Тѣло—вселенская суть!“

а потому:

*„Снимите, Юноши, одежды,
Снимите, Дѣвы, ткани все—
Отбросивъ пошлости надежды
Отдайтесь пьянотной росѣ!“*

Хотя призывъ поэта былъ уже въ значительной степени предвосхищенъ собраніемъ, стихи его имѣли успѣхъ:—въ нихъ увидѣли апологетику обнаженія, какъ въ другихъ стихахъ его—апологетику наркоза!

Апологетъ момента, совмѣстно переживаемого собравшимися во имя его, всегда имѣеть успѣхъ, если только онъ не полная „бездарь“ (по выраженію Игоря Сѣверянина, вліяніе котораго такъ своеобразно сказалось на „поззахъ“ В. Орта).

Пріятно и цѣнно на охотничьемъ отдыхѣ услышать хороши, что называется настоящій охотничій разсказъ отъ одного изъ участниковъ. Пріятно и цѣнно на кладбищѣ (это зналъ уже Гамлетъ) послушать умудренного Смертью могильщика. Пріятно и цѣнно на веселой пирушкѣ услышать похвалу вину Эразма Роттердамскаго, пѣсенку Анакреона или Беранже, залихватскій анекдотъ о „выпиванци“ браваго пьянчужки-гусара.

Пріятно и цѣнно было и на этомъ вечерѣ услышать похвальное слово всему тому, что здѣсь дѣлалось.

И какое слово! какое откровенное, вдохновенное, какое въ самомъ дѣлѣ апологетическое слово!

У Орта, помимо музыкальнаго и версификаціоннаго, необычайно рѣдкій для нашего времени **талантъ оргійнаго гипноза**.—Слушаешь его и начинаешь въ самомъ дѣлѣ вѣрить, что высши смыслъ жизни—только страсть, только эротика, только блудъ! что все остальное ничего не стоящая

химера, и что поэтъ въ конечномъ счетѣ правъ, рѣшая, что

„Нынѣ—

—только пошлости и блуду,

Какъ тризнь прошлою, я предаваться буду.“
(Даже *„пошлости!... Читатель согласится, что это признание—отчаянная смѣлость въ устахъ того, кто важно вѣщаетъ въ своей „Эстетной фриволи“ „Мой путь, гдѣ шаблонности нѣтъ!“*)

Владиміръ Ортъ—отъ начала и до конца—**настоящій** въ своей эротической мании. Среди безмолвной, окованной плоти ему скучно, какъ на кладбищѣ послѣднихъ цѣнностей. Ему нужно, чтобы эта плоть все время звучала и сверкала передъ его духовнымъ окомъ въ тысячахъ оттѣнковъ, въ тысячахъ извивовъ. И когда его собственная немощная плоть сказывается именно въ качествѣ таковой, Ортъ ни минуты не колеблется передъ двадцатой понюшкой кокаина, близко-повторнымъ шприцемъ съ морфіемъ, пятой бутылкой вина и т. п.—Я провелъ съ нимъ не одну ночь, какъ собутыльникъ, согашишникъ: сококаинникъ, и потому твердо знаю цѣну правды его „Торжества наркоза“, первая строфы котораго всегда встаютъ передо мной, когда я вспоминаю Орта:

„Забывши про все, что печально—

Хочу быть въ туманѣ, во мглѣ...

Сверкнетъ пусть эффектъ театралью,—

Мнѣ нравится мнѣ на землѣ:

*Возьму—впрысну морфий подь кожу,
Отдамся забвенью на часъ:
Наркозомъ мечты овозможу
И буду внѣ жизни... хоть разъ..
Вина вылью пять-шесть стакановъ,
Дурманно охмѣливъ главу—
Въ угарной грязи ресторановъ
Отдамъ чувства снамъ на-яву..
Пусть ядъ сладко-горькій гашиша
Видѣньями мозгъ истомитъ:
Покажутся звуки „матчиша“
Всхожденьемъ молитвъ на зенитъ“*

„Театръ для себя“! эротическій „театръ для себя“!—вотъ изъ чего исходитъ и куда ведетъ наркоманія Владиміра Орта. И кто знаетъ. быть можетъ самъ того не подозревая Владиміръ Ортъ въ своей пріязни къ обнаженному женскому тѣлу отдаетъ дань главнѣйшимъ образомъ именно этой маніи. — Въ концѣ концовъ, развѣ женское тѣло не тотъ-же „наркозъ“! или вѣрнѣе не такой-же источникъ наркоза!

Но—*summa summarum*—одно дѣло наркозъ наркоманія, другое дѣло апологетика наркоза, третье дѣло условия воспріятія подобной апологетики.

Я уже сказалъ объ условіяхъ, при которыхъ Владиміръ Ортъ можетъ быть понятенъ, оцѣненъ и приемлемъ, и потому мнѣ очень смѣшно

представить себѣ, какъ эта книга попадетъ въ руки нормально-добродѣтельнаго критика-рецензента. эдакаго работяги, честнаго работяги, добывающаго себѣ хлѣбъ насущный въ заботахъ о семьѣ, жратвѣ и... „святѣ искусствѣ“, задача котораго (ха, ха!)—„сѣйте разумное, доброе, вѣчное“.—Табло-съ..

Н. Евреиновъ.

ВЛАДИМИРЪ ОРТЪ.

„Люби Республику“, — „Люби Республику“ —

Провозглашаю громкий вамъ призывъ...

Вонзаетъ въ „нравственности“ пошлой тьму блики

Свободныхъ строкъ моихъ ракетный взвизъ!

Въ утѣхахъ сладостныхъ сочтите убыль-ка

Отъ словъ измышленныхъ: „нельзя“ и „грѣхъ“!..

„Люби Республику“, — „Люби Республику“ —

Пусть президентитъ счастьемъ всѣхъ!

ПРОЗА.

1. ЛЮБОВНИКЪ НОЧИ.
2. УЛЫБКА БОГОВЪ.

Любовникъ Ночи.

*(Живите въ мечтъ, мечтайте о сказкѣ,
Любите любовь, ласкайтесь въ ласкѣ).*

Въ прекрасной волшебной странѣ—въ *Республикѣ Любви*
—на берегу изумруднаго моря жилъ Юноша Нѣжный..

И былъ тотъ Юноша такъ строенъ, любовенъ и милъ,
что и море, и небо, и цвѣты, и звѣзды завидовали его
красотѣ. Когда онъ—нагой и томный—отдавался про-
хладѣ изумруднаго моря,—осторожно и нѣжно ласкали
волны его тѣло—такое бѣлое, что снѣгокрылье морскихъ
чаекъ теряло свое совершенство... Когда же онъ, при-
зывно-освѣженный, выходилъ на берегъ и ложился на
раскаленный солнцемъ янтари-песокъ — прекраснѣйше
цвѣты прибрежныхъ садовъ склонялись къ землѣ, стыдясь
несовершенства своихъ гибколиній рядомъ съ волшебствомъ
и стройностью его тѣла. Звѣзды завидовали голубому
мерцанію глазъ Юноши, а золотистые отливы выброшен-
ной моремъ окаменѣвшей смолы не могли соперничать
съ чудозолотомъ его пышныхъ кудрей...

...Приходили къ морю хороводы Дѣвушекъ юныхъ, ласкою
и нѣгою нарѣченныхъ. Ступали стройными и смуглыми
ногами, а прозрачныя ткани одеждъ легковѣйно развѣва-
лись по вѣтру... Но не смотрѣлъ имъ во-слѣдъ Юноша
Нѣжный, ни одного желанія не зажигалось въ божествен-
ной синевѣ его глазъ...

...Приходили взглянуть на Юношу и Мужички отважные, съ
тѣломъ сильнымъ и стремительнымъ, умомъ дерзкимъ и
покоряющимъ,—но безстрастными и безотвѣтными оста-
вались уста его...

Ни тѣ, ни другіе не звали его зовомъ неотзывнымъ...

Иному призыву и ласкѣ иной отдавалъ Юноша свою красоту и нѣгу.

Онъ былъ Любовникомъ Ночи, — Ночная Мечта была его Наложницей.

И погружался ли Юноша въ прохладныя волны изумруднаго моря, лежалъ ли на раскаленномъ прибрежномъ пескѣ, ходилъ ли по пышной цвѣтограни луговъ—одною лишь грустью, одною тоской лишь томился: скоро ли закатится Солнце—злой и ревнивый Разлучникъ, скоро ли вернется къ нему желанная Любовница-Ночь?

И потому, что былъ онъ Любовникомъ Ночи, и потому, что Наложницей его была Ночная Мечта—

— не загорало его нѣжное тѣло,

— не грубѣли его гибколініи,

— не тускнѣла синева очей, и не меркло сіяніе кудрей золотыхъ...

Но, можетъ быть, и была Ночная Мечта его Наложницей, а онъ Любовникомъ Ночи—лишь потому, что такъ строень, любовень и прекрасень онъ былъ?

Лишь приближался закатный часъ вечера, ожиданіемъ возможностей алчущихъ начиналъ изнывать Нѣжный Юноша.

Золотистѣе золотились кудри золотые, голубѣе голубились очи голубыя, и нѣжнѣе нѣжилось его тѣло нѣжное: хотѣлъ онъ любовно влюбиться въ Любовь, хотѣлъ нѣгою власкаться въ Ласку...

Выходилъ Юноша въ одеждахъ тонкотканыхъ—такихъ прозрачныхъ, такихъ тиховѣйныхъ—изъ дворца своего хрустальнаго, шелъ къ берегу моря потемнѣвшаго, простиралъ руки стройныя и говорилъ голосомъ *призывнымъ*:

— „Я жду тебя, Ночь желанная!..

Солнце закатилось, море не бушуетъ,

чайки улетѣли, а Твои цвѣты
—цвѣты ночные—
томно распустились...

Я жду Тебя!“—

Приди—

И говорилъ Юноша, голосомъ *напѣвнымъ*:

— „Я жду Тебя, Ночь желанная.
Тѣло мое стройно и нѣжно,
оно тоскуеть въ тоскѣ,
ждетъ въ ожиданяхъ—
тѣло мое зоветъ и страдаетъ...

Приди—

Я жду Тебя!“—

И говорилъ Юноша голосомъ *любвнымъ*:

— „Я жду Тебя, Ночь желанная!
Весь день я думалъ о Тебѣ,
весь день мечталъ о Мечтѣ творимой,..
...Лаской скрытною и невѣдомой,
лаской томною и призывною,
—лаской тайною—
околдуй поцѣлуйно,
награди за часы разлучные...

Приди—

Я жду Тебя!“—

Отвѣтно Юноши призывамъ, темнѣлъ синій небосклонъ сѣрѣлъ янтаро-песокъ, заоднотонивалась пышная цвѣтогрань на лугахъ. Такъ приходили тихоблѣдныя Сумерки, предвѣстники Ночи желанной.

И звучала ихъ *тишина*:

— „Скорѣе, Юноша Нѣжный, спѣши! Спѣши на ложѣ любовное, готовься къ встрѣчѣ желанной—твоя наложница—Ночная Мечта—скоро придетъ!“..

И бѣжить тогда Юноша Нѣжный къ дворцу своему хрустальному.

Бѣжить и торопится: готово ли ложе любовное?

...Прозрачны, почти невидимы стѣны алькова завѣтнаго, не помѣшаютъ онѣ проникнуть безсвѣтнымъ лучамъ Ночной Темноты: но и ихъ раздвигаетъ Юноша Нѣжный,— какъ срываетъ, порою, нетерпѣливый любовникъ тончайшую ткань шелка на тѣлѣ дѣвы любимой, хотя не скрываетъ тотъ шелкъ ни тепла, ни аромата желаннаго тѣла...

И видитъ Юноша—ложе любовное ждетъ его!

Все покрыто оно волнами чернотканей,—таково желание Любовницы.

Все покрыто оно цвѣтовъ пеленою,—таково желание Любовника.

У изголовья, гдѣ будетъ покоиться золото кудрей Юноши, — тамъ разбросаны маки махровые — такие умные и сладкосонные; стройный станъ будетъ утопать въ невинныхъ лепесткахъ бѣлолилій, эдельвейсовъ и пьянящей туберозы; около трепетныхъ бедеръ и ногъ,— тамъ покровъ орхидейный, тамъ мѣсто отравнымъ цвѣтамъ Жизни и Смерти—такимъ больнымъ и извращеннымъ, такимъ утонченнымъ и сладострастнымъ. Все любовное ложе окружено цвѣтомассой пушистыхъ хризантэмъ. Дальше—яркая многогрань: сплетаются между собою прозрачныя щупальцы морскихъ водорослей, и мертвые цвѣты уродливыхъ кактусовъ, и восковыя камелии; благоухаютъ фіалки и ландыши; обильятъ роскошью цвѣтовъ вѣтки гранатовъ; волнуетъ загадочный священный лотосъ, соперничаютъ своей откровенностью розы пунцовыя съ истомнымъ обаяниемъ розъ чайныхъ; бѣлѣютъ акации; розовѣютъ гроздья олеандровыя; и ярятъ въ безстыдствѣ пионы. Въ сладкой нѣгѣ густѣетъ воздухъ ароматомъ цвѣтовъ увядающихъ...

Срываетъ Юноша Нѣжный, весь полный волненія, свои одежды тонкотканныя и ложится—нагой и прекрасный—на ложе любовное.

Его наложница—Ночная Мечта—уже близко...

Закрываетъ Юноша трепетными вѣками лазурь глазъ своихъ лучистыхъ.

А на небѣ зажигаются звѣзды безчисленныя, и встають на землѣ призраки неуловимые, вчерашне-минувшіе...

И когда вновь открываетъ Юноша Нѣжный свои очи онездѣшенныя—

о н а—

Ночь *призывная,*
— *любовная,*
— *ласкотанная,*
— *желанная,*—

о н а—Любовница его безтѣлесная,

о н а *уже* при немъ!

Вотъ—свѣтотьюмою лучей невидимыхъ ласкаетъ она его заждавшееся тѣло, вотъ—поцѣлуйно томить ожиданиями. Предается Юноша Нѣжный мечтамъ своимъ изступленнымъ, грезамъ своимъ любовнымъ, желаніямъ сладострастнымъ: любовно въ *свою* любовь онъ влюбляется... Вздрагиваетъ тѣло истомное подъ ласкотьюмою Наложницы Неществующей

И чувствуетъ Юноша Нѣжный, какую утонченной и сладкой мукою, какой неиспытанной и невѣдомой нѣгой ласкаетъ его—Любовница-Ночь. Цѣлуетъ она невидимо и неощутимо зовущія уста... Ложится она темною зыбью на нѣжную кожу шеи и плечъ... Всасывается трепетнымъ жаломъ въ истомную нѣгу бѣлоснѣжной груди...

...И когда Любовница-Ночь, скользя волнами Мечты по тѣлу Юноши Нѣжнаго, опустилась къ отравнымъ и роковымъ орхидеямъ и коснулась трепето-бедеръ его,—

и нѣгѣ *неизвѣданной,*
и тайнѣ *сокровенной,*
и ласкѣ *обезплоченной*

—могъ внять тогда Юноша Нѣжный, счастливый любовникъ Ночи желанной и Мечты Ночной.

Трепетало бѣлое тѣло въ темныхъ объятіяхъ Ночи, отдавался невозвратной тайномыслимой Тьмѣ...

И скрывала непроницаемость Одеждъ Ночи безуміе и безстыдство алчущихъ искани...

И никто, и никогда, кромѣ того Юноши Нѣжнаго и Ночи—Любовницы, не пойметъ и не постигнетъ колдовства и блаженства Тьмою очарованной Плоти.

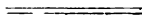
Ибо—только Юноша Нѣжный былъ любовникомъ Ночи, и только Ночная Мечта была его наложницей...

А когда уходила отъ Нѣжнаго Любовника Ночь Желанная, оставляя его утомленное, обезсиленное ласкотью тѣло,—снова завтрашними становились грезы вчерашнія... Вяли и умирали съ разсвѣтомъ всѣ цвѣты разсыпанные—свидѣтели Ночныхъ Очаровани...

И вновь заставляли Юношу Нѣжнаго лучи солнца—ревниваго разлучника—покинуть ложе любовное и идти къ морю изумрудному, освѣжить свое прекрасное тѣло. И снова—до вечера грядущаго—въ волнахъ ли изумруднаго моря, на янтаропескѣ ли побережя, на цвѣточной ли многограницной луговъ—золотомъ золотились его кудри золотые, лазурево лазурились глаза лазуревые, и нѣгою нѣжилось нѣжное тѣло...

...И также безотвѣтными оставались призывы смуглоногихъ Дѣвушекъ, ласкою и любовью нарѣченныхъ,—и не открывались коралловые уста Юноши отвѣтно призывамъ Мужей отважныхъ и сильныхъ.

Ибо Юноша Нѣжный былъ Любовникомъ *только* Ночи Желанной—и *только* Ночная Мечта была его Наложницей.

Улыбка боговъ.

— Я раздѣнусь,—сказала она,—отвернись, или уйди изъ комнаты...

— ...Венера была плѣнительнѣй и прекраснѣй всего тогда, когда рождалась и выходила изъ пѣны морской. Я хочу видѣть не только *уже—сущую* Красоту, я хочу быть свидѣтелемъ Ея Возникновенія...

Улыбнулась...

Стала разстегивать платье...

— — — — —

— — — — —

Я отчетливо сознавалъ какое-то раздвоение.

Трясетъ ознобъ... Въ вискахъ — удары молота... Все тѣло напряжено въ застывшей судорогѣ ожиданія и устремленія... Мысли—подобны клочкамъ мелко изорванной, безсвязно исписанной бумаги...

А кто-то „третій“ спокойно и безстрастно созерцаетъ, спокойно — и, быть можетъ, даже насмѣшливо—наблюдаетъ за нами...

Этотъ „третій“—тоже „я“...

„Я“—вижу себя блѣднаго, вкресленнаго въ углу этой комнаты, съ потушенной папиросой въ дрожащихъ, позвенывающихъ кольцами пальцевъ... „Я“—какъ-то особенно, по ту-сторонне,—наблюдаю за нею, медленно и обреченно обнажающей свое прекрасное, дѣвственное тѣло... Наконецъ, тотъ-же „Я“—этотъ „третій“ между мною и ею „я“—внимательно всматриваюсь и запечатлѣваю въ мозгу всю обстановку комнаты, рисунокъ обоевъ, цвѣты и бокалы съ недопитымъ виномъ на столѣ...

— — — — —

— — — — —

Какъ это случилось?

...Не помню.

..Не знаю.

Трудно возстановить связь отдѣльныхъ событий и моментовъ...

...Шумный и блестящій раутъ. Официальное представлѣніе. Она—какъ всегда—призывная и надменная, плѣнительная и неприступная. Мимолетный разговоръ... Меня просили играть. Я сѣлъ къ роялю. Но было шумно, ярко-холодно горѣли огни. Восхищались салонно-паркетно, шаблонили комплиментами. Мнѣ стало скучно, нудно — и я уѣхалъ...

...Вновь встрѣтилъ ее въ театрѣ. Въ толпѣ поклонниковъ. Говорили о новой пьесѣ. Ея мать просила заходить „по четвергамъ“... Не пошелъ...

...Слышалъ о помолвкѣ ея съ сыномъ какого-то «нефтяного короля»...

...Опять игралъ на вечерѣ. Было меньше постороннихъ. Явилось настроеніе. Импровизировалъ... Подошла. Кажется: спросила: «Какъ называется это ваше произведеніе?» Помню мой отвѣтъ: «Оно не имѣетъ названія—я игралъ о томъ, *чего не можетъ быть...*» Внимательно посмотрѣла на меня, Потомъ спросила: «А почему вы не заходите къ намъ?»

...Сталъ посѣщать «четверги»...

Потомъ...

Что было—потомъ?

Ахъ, да!.. Вспомнилъ:

...Звонокъ телефонный: «Вы должны непременно приѣхать къ намъ въ восемь часовъ вечера, сегодня. Я очень прошу васъ». Поѣхалъ. Была одна. Всѣ уѣхали на какой-то концертъ. Встрѣтила задорными, ненужно-придуманнми словами: «Вотъ видите, какъ хорошо быть такой красивой и такой богатой, какъ я. Если-бы за мною не было полумилліона приданого—всѣ бы сказали, что я веду себя неприлично, принимая васъ наединѣ... А такъ—не скажутъ!» Бесѣдовали—легко и просто... Я сталъ играть; игралъ много и вдохновенно. .

...Сидѣла съ закрытыми глазами. Такая блѣдная, такая мертвая. Потомъ подошла близко-близко. Мой затылокъ касался чернаго, согрѣтаго ея грудью шелка. Оглянулся. «Закройте глаза...—сказала она—они у васъ *слишкомъ* спокойные». Обвила мою шею обнаженными руками и впи-лась какимъ-то страннымъ, болѣзненнымъ поцѣлуемъ прямо въ губы...

Что было еще?

Кажется, ничего болѣе.

И только вчера—неожиданно, какъ-то спокойно-обреченно сказала по телефону: «Завтра вечеромъ—я буду у васъ.»

Ея голосъ:

— Смотри, мнѣ нечего больше снимать... Я вся—нагая!..

Неслышно и медленно приближалась ко мнѣ, осторожно ступая босыми ногами. Она лучезарилась и призывала— безстыдная въ своей обнаженности и ею-же цѣломудренная и чистая...

Распущенныя пряди каштановыхъ волосъ ложились мягкой и теплой пеленою на ослѣпительно бѣлую кожу плечей и груди. Эта пелена раздвигалась нѣжными розовыми сосками упругихъ, дѣвственныхъ грудей. На шеѣ серебрился мелкій, чуть замѣтный пушокъ. Голубѣли сквозь матово-прозрачную кожу змѣистыя линіи венъ. Вкрадчиво ложились къ основаніямъ рукъ и бедеръ сладко-тайныя, желтоватыя тѣни...

— Ты божественна, ибо Ты—*Красота*. Красота есть символъ, Ты же—его воплощеніе... Ты—сущность Моей *Гармоніи*, Ты—ея *Мелодія*... Знаешь ли Ты сама объ этомъ?..

— Да... Я знаю... Я красива... Я люблю сама часами смотрѣться всѣмъ тѣломъ въ мое большое, мрачное зеркало: оно такое холодное, строгое... и такая старинная, съ почернѣвшей позолотой, на немъ рама. А лѣтомъ, на югѣ, я выхожу обнаженной, глубокой ночью на балконъ и пью всѣмъ моимъ тѣломъ трепетную ласку безстрастныхъ лунныхъ лучей...

И еще говорила она:

— Почему я пришла къ тебѣ? Сама не знаю—но, вѣдь, есть многое, чего и не слѣдуетъ ни знать, ни понимать... „Люблю“ ли тебя? Не знаю... Скорѣе—нѣтъ. Но почему-то мнѣ кажется, что я должна быть здѣсь съ тобою, должна обнажить свое тѣло, *должна* тебѣ отдаться... Потому-ли что ты такъ талантливъ, потому-ли, что ты считаешь это «невозможнымъ», потому-ли, что у тебя такіе странные, такіе спокойные глаза...—не знаю, но я чувствую: „такъ быть должно!“...

Гордая, прекрасная—откинувъ голову и сплетя руки за спиною—стояла она, такая близкая и далекая, такая возможная и недостижимая...

Я потянулся къ ней...

Подошла. Склонилась. Долгимъ поцѣлуемъ впиалась въ мои губы.

Я чувствовалъ теплоту и нѣжно-дразнящій запахъ свободнаго, обнаженнаго тѣла.

— Скорѣе... Будь такимъ-же, какъ я! Развѣ ты не понимаешь, что твои одежды оскорбляютъ мою наготу?..

И опять «я»—тотъ третій, спокойный и безучастный «я»—насмѣшливо наблюдалъ за тѣмъ, какъ она—божественная откровенностью своего дѣвственнаго тѣла—стояла передъ зеркаломъ, любуясь наготою тѣлограней, а я, неловко и торопливо, сбрасывалъ все то, что было *теперь* такимъ ненужнымъ, глупымъ и пошлымъ...

Голова кружилась... Ознобъ сталъ сильнѣе... Я легъ на кровать. Покрылся одѣяломъ...

...Посмотрѣла. Улыбнулась.

— Послушай. Ты «бралъ» сотни женщинъ, я же—еще дѣвственна. И я—смѣлѣе тебя?..

Легла рядомъ, поверхъ одѣяла.

Ея глаза свѣтились какимъ-то жуткимъ, обреченнымъ огнемъ...

И спросила меня—этимъ глазъ обреченныхъ огнемъ:

— Скажи: хочешь-ли ты тѣла моего? Любишь ли меня?

— Не знаю! Да это и не важно... Но ты меня и влечешь, и пугаешь... Ты—какъ та непонятная, неуловимая и вѣчно-звучащая *Мелодия*, что преслѣдуетъ меня безсонными ночами, но уловить и онотить которую—безсиленъ мой талантъ...

— Пусть это такъ,—отвѣтила, и взгляды ея стали нѣжнымъ, ласковымъ...—Ты дрожишь: тебѣ холодно?

Откинула одѣяло и легла рядомъ, изъ тѣла въ тѣло струя животворящую теплоту.

Чувство раздвоения во мнѣ какъ-то исчезало, я погружался въ сладостное небытьѣ...

Рукою нѣжною и теплою гладила мои черные кудри:

— Если тебя пугаетъ моя чистота, моя дѣвственность—пойми: я хочу, чтобы ты нарушилъ ея сокровенность..

Еще тѣснѣе прижалась ко мнѣ...

Нѣжно и трепетно скользили ея пальцы по моему тѣлу...

...Сталъ покрывать ея лицо ищущими, поцѣлуйными ласками... Цѣловалъ гладкий, алебастровый лобъ, безконечно-нѣжныя вздрагивающія вѣки, рдѣющи пушокъ на разгоряченныхъ щекахъ и жадно пилъ сладость томныхъ очаровани изъ ея полуоткрытыхъ губъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ... Не ты, а я!..

Неожиданно поднялась и заставила меня откинуться навзничъ...

Нѣжно и вкрадчиво смотрѣла зеленобликими глазами и шептала:

— Вотъ я цѣлую твой високъ и чувствую, какъ быстро и нервно кружится твоя кровь... Цѣлую глаза твои—такіе спокойные, такіе умные... Цѣлую твои чувственные и надменные губы... Цѣлую твое чело, за которымъ таятся такіа сокровищницы мелодіи и звуковъ...

...Хотѣлось закрыть глаза.

Ея распущенные волосы падали на мое лицо, и чудилось:

— *«золотисто-ласковая, очарованно-тѣжная, спускается теплая ночь, и легкія крылья какихъ-то невѣдомыхъ, сказочно чудесныхъ ночныхъ птицъ касаются лица моего и ласкаютъ его своими мимолетными и неуловимыми взъивами»...*

Мягкая, трепетная рука скольнула по моей шеѣ и стала несмѣло блуждать на обнаженной груди и плечахъ.

Отъ этихъ любовно-вопрошающихъ прикосновеній все тѣло становилось напряженно-нервнымъ и сладостно-безпокойнымъ. Каждая тѣлогрань отвѣтно вздрагивала и приливила радостью...

Она продолжала тихо-обреченно шептать:

— Я хочу цѣловать твою шею... Она такая нѣжная и бѣлая... Я ощущаю подъ кожей всѣ сплетения нервовъ... Открой глаза: я хочу узнать—также ли они все еще спокойны и вчерашни?

...Прижалась разгоряченнымъ лицомъ къ моей обнаженной груди...

Одѣяло сползло, и наши тѣла наполовину обнажились. Я повернулъ голову и увидѣлъ, какъ они зеркалились въ отдалени. Одна ея рука лежала на подушкѣ, рядомъ съ моей головой: блистали на кольцахъ алмазы, хишно и коварно-зло сверкалъ темно-зелеными гранями большой изумрудъ, жемчужнымъ отсвѣтомъ розовѣли холевые ногти. Вторая рука перекинулась поперекъ моего тѣла. Каштановое золото распущенныхъ волосъ свободно рассыпалось на груди...

Рядомъ съ ея алебастрово-бѣлымъ тѣломъ — мое казалось смуглымъ, рѣзко выявляющимъ сѣровато-зеленя тѣни.

— — — — —

Неожиданно подняла свою голову и поцѣлуйной волной хлынула на мою обнаженную грудь.

...Приблизилась вздрагивающими губами... На мгновенье остановилась, взглянула:

— „Можно?...“

спрашивали лучистыя, странно-обреченныя очи...

— „Да, да...“ — сладострастнымъ трепетомъ отвѣчало мое тѣло...

...Жаркія, ищущія губы изнывно и больно впились...
Точно огненный смерч пронесся по всему тѣлу.

Мнилось:

*«я лежу на мякомъ прибрежьи пурпурно-краснаго моря.
и кровавыя волны перекидываются чрезъ мое тѣло. Каж- ая
волна, докатываясь до меня, начинаетъ китить и сладостными
ожогами тѣрзаетъ всю обнаженные члены...»*

И настало время обреченно-неизбѣжнаго *Откровенія.*

Ея рука, несмѣло блуждавшая по моему обнаженному тѣлу, скользнувъ къ призывно-ждушимъ бедрамъ—вдругъ судорожно вздрогнула, боязливо и беспомощно затрепетала...

Вихревымъ промелькомъ зажигались и тухли въ глазахъ ея—испугъ, любопытство, стыдливый вопросъ и дерзость страсти...

Остатки сознанія—исчезали. Чувство овозможеннаго безумства радости—причиняло почти физическую боль....

Одѣяло и простыни—вдругъ сдѣлались свинцово-тяжелыми и раздражали своей ненужностью. Одно движеніе... и теперь наши тѣла были совершенно нагими и всѣми изгибами своими многограницились въ зеркальномъ отраженіи.

...Должна была свершиться великая, таинственная и вѣчно-повторная метаморфоза...

...Должна была совершиться тайна *Обреченія*...

И вслѣдъ за *Откровеніемъ*—настало время *Испытанія*...

...Новой волной горячихъ и ищущихъ поцѣлуевъ скользнула по моему тѣлу. И эта поцѣлуйная, ласко-творимая волна, этотъ знойный, порывно-призывный потокъ докатился, терзая все тѣло ожогами, до обнаженныхъ бедеръ и ногъ моихъ...

Тѣло—уже не трепетало, а извивалось и застывало въ безконечно-истомной судорогѣ. Подъ кожей сплетались и сжимались клубки изступленно-напряженныхъ мускуловъ. Сердце билось неровно и бѣшено, минутами замирая. Кровь клокочуще порывила— и мнѣ казалось, что я слышу водопадный шумъ ея пробѣга по жиламъ... Дыханіе становилось невыносимо короткимъ. Болѣзненнымъ и ржавымъ скрежетомъ вкинжаливался скрипъ стиснутыхъ зубовъ въ разгоряченный мозгъ...

Я терялъ сознание...

И въ послѣдній разъ спрашивали Ея обреченно-вдохновенные глаза:

— «*Можно?*»...

И снова—призывомъ неотзывнымъ и вскрикомъ безгласнымъ, судорогой оцѣпенения и экстазомъ небытья—отвѣтила вся многогрань моихъ хотѣній:

— «*Да! Можно и должно! Будь смѣлой и дерзостной въ исполненіи вѣлній и Плоти обезплоченной и Грѣха обезгрѣшеннаго*»...

— — — — —
...Рухнуло...

..Оборвалось...

...Поплыло...

...Устремилось...

Бездна—такая глубинная и такая манящая—влечетъ меня, вманиваетъ, внѣдряетъ въ свое безнѣдріе...

— — — — —

— — — — —
Тянусь—безсознательно, но неудержимо—къ ея тѣлу, къ ея бедрамъ и непривычно изгибленнымъ ногамъ...

Хочу еще большаго сближенія, еще болѣе совершеннаго сплетенія...

— Пусть не только *мое* тѣло радостно трепещетъ, томится и страдально ликуетъ въ ожиданіяхъ возможностей алчущихъ,—пусть и *ея* тѣло—такое желанное и сладкоплѣнное—также страдально ликуетъ и также безумить восторгомъ въ одномъ *общемъ* и взаимномъ *Обреченіи Страсти...*

— — — — —

— — — — —
..Какъ въ шелковистой, мягкой и издрожной зыби, какъ въ цвѣтомассѣ изнѣженныхъ лепестковъ орхидейныхъ—утопаю и погружаюсь лицомъ въ сладостномъ призывѣ Ея безумствующихъ, божественно-прекрасныхъ гибколиній ногъ, колѣнъ и трепещущихъ бедеръ...

— — — — —

Фатаморганился — какъ-то потусторонне и под-
зательно—миражъ бушующаго моря:

...«Волна нагоняетъ волну, и каждая волна послѣдующая
сильнѣе и безудержнѣе прежней. Отчаяніемъ и безуміемъ
объятъ обреченный рыбаки... А всѣхъ волнъ грознѣе—
девятый ихъ валъ! Не спасись пловцу, погибнетъ въ немъ
утлая ладья...

...*Но, когда разбушуется безбрежное море Безумствующей
Плоты,— и одна волна нагоняетъ другую,— когда приближается
роковой Валъ Девятый—не будутъ предъ нимъ счастливые
безумцы,—а стремятся навстрѣчу и очарованно отдаются
радостной гибели»...*

...Все глубиннѣе и призывнѣе становилась увлекающая
меня Бездна, и все стремительнѣе дѣлалось радостное
паденіе въ безднѣе ея глубинъ... Все извивнѣе и сладко-
плѣннѣе трепетало дѣвственно-восторженное, прекрас-
ное тѣло.

Это былъ тотъ, исполненный Тайны Великой, мо-
ментъ, когда Тѣло и Плоть — боготворчество-
вали...

И были мы — Она и Я—*какъ боги.*

И — — — *боги улыбались.*

Улыбкой *Откровенія,— Испытанія,— Обреченія и Сла-
достной Гибели...*

...Минуло...

...Прошло...

...Сознание возвращалось...

Мы снова лежали рядомъ...

Ея глаза были закрыты. Волоса спутаны. Дыханіе утомленнымъ...

Нѣжными росинками серебрилось разгоряченное, уставшее тѣло.

Открыла глаза—такіе темные, такіе минувше...

Взглянула...

Вспомнила...

...Хотѣла отвернуться...

Я тихо сказалъ:

— Зачѣмъ? Не надо... Пойми—вѣдь „мы были богами“

— Да. можетъ быть, ты и правъ. Насъ *не было*, мы ушли—значитъ, мы *могли* быть и „богами“...

Подумала—и еще сказала:

— *Теперь* я знаю, почему у тебя такіе странные, такіе слишкомъ-спокойные глаза...

Снова опустила вѣки. Вокругъ обезмолвленныхъ очей легли темныя тѣни—такія милыя и такія понятныя мнѣ...

— — — — —

Въ усталомъ и измученномъ мозгу взлелеивались туманныя видѣнія—нѣжныя и усладныя:

То ночь, казалось, окутывала насъ ласко-тьмою незримыхъ лучей своихъ, и виднѣлись тысячи сказочныхъ свѣтлячковъ, самоцвѣтнымъ роемъ неслышно кружащихся въ воздухѣ...

То, вдругъ, миражились цвѣтистыя поля и мраморныя изваянія подъ голубымъ и прекраснымъ небомъ древней Эллады...

То, наконецъ, все неожиданно [казалось однотонно-бѣлымъ, покрытымъ сплошной цвѣтомассой бѣлыхъ лотовъ и хризантемъ—и тогда хотѣлось, чтобы нѣжные лепестки ихъ ласково холодили изноенное тѣло...

Временами взлелеяныя видѣнія исчезали — и *тогда* грубо, ненужно и пошло маячила предъ глазами и нудно реализалась вся обстановка комнаты...

Но казалась она не живой, а только нарисованной или рассказанной...

А потомъ—Она спрашивала еще меня:

— Скажи—вѣдь то, что было—еще не „всѣ“?

Я отвѣчалъ:

— Сказано въ *Книгѣ Бытія*, что Человѣкъ созданъ по образу и подобию боговъ... Страсть и любовь, страданія и наркозъ, музыка и слова, вино, искусство—даже добродѣтель—все можетъ служить средствами къ достиженію Человѣкомъ совершенствъ и радости своего оригинала. Но лучший путь—*Страсть* и *Любовь*, ибо онъ самый таинственный и божественный по своему *происхожденію*.. Ты спрашиваешь: „всѣ“—ли то, что было? И да, и—нѣтъ. „Нѣтъ“—ибо страсть и любовь имѣютъ безчисленное множество формъ и проявленій... „Да“—ибо... «мы были какъ боги!»

Она слушала внимательно и спокойно...

Улыбнулась...

— Значить, мы знаем Тайну Боговъ? А не опасна-
ли ихъ зависть и месть?

— Нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, какъ дерзкій Прометей укралъ
у боговъ тайну огня—боги растеряли слишкомъ много
своихъ тайнъ... А, вѣдь, богъ безъ тайны—не богъ...

Нѣжно и устало прислонила свою голову къ моему
плечу...

Синева подъ ея глазами сдѣлалась еще темнѣе...

— Усни,—сказалъ я,—я буду колыбелить твои сновидѣ-
нія...

Самъ я... боялся закрыть глаза.

Боялся, что *уснувь*...—*проснувь*!

Вѣдь, сонъ иногда бываетъ такъ похожъ на явь...

А явь—на сонъ...

— — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — — — — —

С Т И Х И.

Посвящается
Н. Н. ЕВРЕИНОВУ,
великому „филологу“
обнаженного тѣла.

Т а н е ц ъ в з в и в а .

Опытъ передачи „языка тѣла“
ризмами и графикой словъ.

Извиваясь,
Вся сгибаясь,
Звонко—
Тонко

Улыбаясь,
Въ вихрь пляски ты взвилась...

...Изступлённо,

Яркотонно,

Тѣло

Смѣло

Обнаженно—

И съ безстыдствомъ страсть
сплелась

Нѣтъ обманной лжи и фальши;

Все впередъ, все дальше, дальше...

Вся въ безумьи, вся въ порывѣ,
Въ тѣло-взвивахъ все блудливѣй—

Захотѣнья

Тѣнью

Буды

Бѣдра гнутся,
Плечи жмутся,

Груди

Въ блудѣ

Тѣла мнутся,

И сознанья меркнетъ свѣтъ!..

...Но, какъ въ сказкѣ,

Въ дикой пляскѣ—

Пьяной,

Пряной,

Знойной ласкѣ—

Ты призовишь мнѣ

отвѣтъ

—Я—твоя!

Возьми меня—

Всю

!

7 Поэзо-Музъ.

*Музыка автора къ поэзо-
музамъ выидеть отдѣльнымъ
изданіемъ.*

I.

Эрото-зовъ.

Зову я Дѣвственницъ въ объятья,
Зову я Юношей къ себѣ—
Лишь имъ однимъ могу отдать я
Безумье яви—въ полу-снѣ.

Любви и страсти—мнѣ не надо:
Хочу хотѣній я однихъ...
Въ цвѣтахъ волшебныхъ эро-сада
Взовьется пламенно мой стихъ!

Снимите, Юноши, одежды,
Снимите, Дѣвы, ткани всѣ—
Отбросивъ пошлости надежды,
Отдайтесь пьяностной росѣ!

И, знойно-эростно колдуя,
Вамъ свѣтозарь мою отдамъ:
Всѣ тѣлограни въ кругъ сплету я,
И центромъ круга—буду самъ...

Внимая тайнамъ эро-звука,
Поймете сладостный экстазъ!
Разврата древняя наука
Васъ окрылить на бого-часть...

И, взявъ васъ, Юношей, въ объятья,
И, взявъ васъ, Дѣвственницъ, къ себѣ—
Заставлю бедра трепетать я
Въ безумствѣ яви, какъ во снѣ...

1917.

II.

Торжество наркоза.

Забывши про все, что печально—
Хочу быть въ туманѣ, во мглѣ...
Сверкнетъ пусть эффектъ театрально,—
Мнѣ нравится миѳъ на землѣ!

Возьму—впрысну морфій подѣ кожу,
Отдамся забвенью на часъ:
Наркозомъ мечты овозможу
И буду внѣ жизни... хоть разъ...

Вина выпью пять-шесть стакановъ,
Дурманно охмѣливъ главу—
Въ угарной грязи ресторановъ
Отдамъ чувства снамъ на-яву...

Пусть ядъ сладко-горькій гашиша
Видѣньями мозгъ истомить:
Покажутся звуки „матчиша“
Всхожденьемъ молитвъ на зенитъ...

Пускай буднихъ дней паутина
Меня не коснется совсѣмъ,
И граммъ, или два кокаина
Всѣ чувства огимнять въ гаремъ...

Эфиръ или опиумъ—сонно
Меня онездѣшатъ въ мечту:
Въ нирвану умчусь восторженно—
Бытью небытье предпочту...

И все позабывъ, что реально,
Въ наркозномъ туманѣ и мглѣ
Смогу жизнь прожить безначально—
И миѡвъ воплотить на землѣ...

1916.

III.

Призывъ бирюзовый.

...Пусть страсть нетерпѣннѣмъ ранится—

тянется

дольше тогда сладкій сонъ...

Пусть слышу, сквозь сонъ, бирюзовые

зовы я—

слиться съ тобой въ

униссонъ...

...Восторгъ долженъ быть упоительнымъ,

длительнымъ,

сладостнымъ, какъ ѳиміамъ--

Хочу твоего цѣломудрія

кудри я

нѣжно распутывать самъ....

1916.

IV.

Цвѣточный наркозь.

Пусть „хороши и свѣжи были розы“—
Но яркоплѣннѣе цвѣточный граціозъ...
Щекочуть усиками скабіозы,
И мысль влекутъ на сладостный скабрѣзь...

А если въ томность трепетной мимозы
Влить аромать продажно-пьяныхъ туберозъ,—
Пусть „хороши“, пусть „свѣжи“ были розы,—
Но сладострастнѣй мой обдуманнй наркозь..

1915

V.

Волна баркарольная.

Явись мнѣ свободная, вольная—
Ты, какъ предлучья заря!..
Пусть льется вновь пѣснь баркарольная,
Нашу легенду твоя.
Ты вся—водопадно-призывная...
Сладко призовишь грѣхомъ:
Такая мелодно-мотивная
Въ каждомъ изгибѣ своемъ!
Какъ часто въ мечтахъ наркотическихъ,
Явью становится сонъ...
Мы въ ласкахъ съ тобой эротическихъ
Слиться должны въ униссонъ!..
И тѣло мое—«сексуальное»
Въ каждой частицѣ своей—
Всѣ тянется страстью фатальною
Къ плоти побѣдной твоей.
Любовь не должна быть стыдливою:
Скромность—преграда любви:

Будь въ дерзостной волѣ счастливою,
 Похоти зовы лови!..
Вскрылимся въ восторгъ сладко-блудя!
 Вмѣстѣ—отронимъ Развраты!
И буду терзать твои груди я,
 Пить съ ихъ вершинъ страсти ядъ...
Хочу осязать безпокровное,
 Нервное тѣло твое..
Хочу въ бѣдра дерзко-грѣховныя
 Спрятать лицо я свое!
Пусть нѣгою сладостно-зыбкою
 Тѣло дасть знойный отвѣтъ:
Пусть „боги“ развратной „улыбкою“
 Шлють баркарольный привѣтъ!

VIII.

Девятый Валь.

Знойной ласки захотѣло

Тѣло

Испытать Девятый Валь,

И, въ касаняхъ сгорая,

Рая

Плоти править пышный балъ...

Всѣхъ бы дѣвъ одной любовью

Бовьей *)

И предѣльной въ кругъ сомкнуть,—

Пусть въ немъ юность ^дзолотая,—

Тая—

Побѣждаетъ будней жуты!..

1914.

*) «Бовьей» — отъ *Bovae constrictor* — южно-американскій удавъ, самый большой и сильный изъ существующихъ. (Примѣчаніе для неадагаливыхъ)..

VIII.

Колдунъ колдующій.

Кто въ колдовствѣ очарованій
стремится въ небытье-покой—
Тому дасть сладостную гибель
талантъ наркозно-пьяный мой...

Я знаю: близокъ часъ закатный,—
но ярко-цвѣтенъ мой' Закатъ:
Волшебнымъ взвивомъ воскресятъ
въ немъ Страсть —Наркозъ—Развраты!..

Пусть бедра млѣютъ въ напряженьи,
пусть сладострастятъ звенья узъ!—
Пьянитъ пьянѣе кокаина
аккордъ моихъ поэзо-музъ:

Экзальтитъ пѣною эфирной
и плѣнно-звучьемъ странныхъ словъ,
Въ немъ—Мело-Эросъ, и Нирвана,
и свѣто-тьма гашишныхъ сновъ...

Я тайно, какъ колдунъ, колдую,—
возколыбеливъ грезъ мечту,—
Что колдовствомъ моимъ отравнымъ
жить буду вѣчно... налету!

1917.

*[Право на публично изго-
ление всъхъ Поззо-музъ Вл.
Орта. сопровождени
напъвнаго акомпанимента
оставляется авторомъ за
собою].*

Три любовницы.

*Вариантъ на мотивъ изъ
„Сада пытокъ“—О Мирбо.*

Три любовницы есть у меня:

Какъ плѣнился бы *первой*—поэтъ,
Захотѣвшій весенняго тѣла!..

Нѣтъ ей даже тринадцати лѣтъ,
И въ любви—она такъ неумѣла..

Какъ невинны у ней до сихъ поръ
Нерасцвѣтшія смуглыя груди!..

Но мелькаетъ вопросами взоръ
О запретномъ и сладостномъ блудѣ...

Лоно трепетно такъ,—горячо;
А движенія плечъ—легко-взвивны;

Нѣтъ округлости въ бѣдрахъ еще,
Ноги дѣвственны такъ... и наивны...

Чуть замѣтенъ надъ ними пушокъ,
Лепестковъ нѣжныхъ тайну хранящій...

Вся она—гибколиный клубокъ—
Нераспутанный, вешне-манящій...

Какъ покорна она! Какъ нѣжна!
Голосъ тихій—весенень и звонокъ...

...Опьяняетъ пьянѣ вина—
Эта женщина-полуребенокъ!

Три любовницы есть у меня:

И вторая—вельможи жена!..
 Тѣло царственно, въ полномъ расцвѣтѣ...
 Если только захочетъ она—
 Увлечетъ всѣхъ въ любовныя сѣти!..
 Ея груди—какъ пышный цвѣтникъ,—
 Такъ волнисты и такъ ароматны;
 Станъ роскошный—къ лобзаньямъ привыктъ,
 И изгибы его—такъ развратны...
 Ея бедра—любви океанъ!
 Къ ласкамъ томнымъ зовутъ ея ноги;
 А животъ алебастровый прянь,—
 Зная всѣхъ наслаждени ожоги...
 Экзотично-округль ея задъ;
 Бѣлизною сверкаютъ колѣни...
 Дня и ночи часы всѣ подъ-рядъ
 Огневѣтъ въ ней ядъ вождедѣни...
 Она знаетъ любовный наркозъ
 Тридцати восьми знойныхъ заклѣтій!
 Тридцать восемь—восторженныхъ позъ,
 Тридцать восемь—все новыхъ—объятій!..

Три любовницы есть у меня:

И у *третьей*, послѣдней изъ нихъ,—
Груди дрябля—синей окраски...

Улыбнется?.. рядъ десенъ гнилыхъ --
И гримаса изъязвленной маски!..

Грязно потной касанье руки;
Звуки хриплаго голоса жутки...

Покупають—за грошъ!—моряки
Ласки пьяной, блъной проститутки.

Неопрятенъ всегда гнойный ротъ...
На одеждѣ видны яствъ излишки...

И, напившись... меня она бьетъ
И ругаетъ, при звукахъ отрыжки....

Учиняли, случалось, надъ ней
Зараженные подлюю травлю...

*Но меня къ ней влечетъ всякъ сильный,
И ЕЕ никогда не оставляю.*

*Только съ этой—разврата восторгъ.
Лишь она побѣдитъ пресыщенье..*

*Для меня розъ душистѣе... моръ.
И пряные „любви“—разложенье!..*

Стихотворенія 1907—1916 г.г.

(Стихотворенія и поэмы *Влад. Орта*, предназначавшяся къ печати въ рядѣ периодич. изданій и альманаховъ въ периодъ 1914—1917 года и *вапращенныя въ то время «военной» цензурой*—выйдутъ отдѣльнымъ сборникомъ).

Вселенскій Сутенерьъ.

Мой вызовъ Вселенной бросаю я смѣло,
И смѣло вселенскии вершу крыло-путь...
Стихами огроню любимое Тѣло,
Любимсе Тѣло—вселенская суть!

Всѣ мысли осенняя прочь отгоняя,—
Осенние листья—въ тлѣнъ, прахъ,—и огню!
Подобно свирѣли апрѣля и мая—
Одну лишь Любовь я любовно люблю.

И всѣ невозможности всѣхъ достижений
Мечтой овозможить лилейный мой стихъ,
И всѣхъ достижений достигнетъ мой Гени,
Достигнетъ мой Гени въ созвеньяхъ своихъ...

Я все, что печально, сочту прибауткой,
Сочту прибауткой и жизнь нашихъ дней:
Когда вся Вселенная—лишь... проститутка,—
Тогда сутенеромъ пусть буду у ней!

В ы з о в ъ .

Съ усмѣшкой змѣино-кривою —
Я губы накрашу карминомъ,
Глаза воскрешу атропиномъ
И тѣло безстыдно открою...
Запястѣемъ бедро обраслечу,
Погрязну въ «грѣхѣ» и «позорѣ»...
Но съ полной побѣдой во взорѣ
Презрѣнье—*Презрѣніемъ* встрѣчу...

1910.

М у т ь.

Рюмка недопита бенедиктина,
Гуща кофейная въ чашкахъ остыла,
Воздухъ космать зыбью волнъ никотина.
Мутно и нудно все... Тускло... Уныло...

Мысли - безсилять. Ненужать догадки.
Прорубь въ хотѣньяхъ. Ничтожью все мнится...
Тѣни ложатся колебно на гладкій
Скользки паркетъ, точно чудищъ рѣсницы...

* *
* *

Пусть наше счастье—иллюзорно,
Пусть мнѣ итти къ тебѣ—позорно,
Пусть говорятъ, что я безволенъ,
Пусть всѣ кричатъ—„смертельно боленъ“,—
Я наркоманомъ сталъ сейчасъ:
И я люблю съ тобой—хоть часъ!..

1914.

==

Отреченіе.

„Люби“—я больше не хочу...
Лю б в и—что намъ несетъ всегда страданья,
Гнѣвъ, ревность, злобу, разочарованья,
Крушенье радостныхъ стремленіи
И страшный ядъ взаимныхъ униженій, —
Такой „лю б в и“—я больше не хочу!..

И съ той поры, какъ сладкія надежды,
Отбросиль всуетканная одежды,
Въ скелетовъ сонмъ нежданно превратили съ—
Рѣшилъ я больше не любить!
И только блуду,
Какъ тризнѣ прошлаго, я предаваться буду,
Моля, чтобъ вновь „мечты“ не возвратились!..

А было время—
я „любиль“:
Въ „любви любовь любовно“ пилъ—
Искалъ цвѣтовъ невинныхъ лили,
Оцѣломудренныхъ воскрылй—
Прилива вешнихъ силъ!..

А нынѣ—
я—превратный и позорный,
Порву покровъ «любви» узорный,
И, проклиная *бывшии* часъ,
Я—развратный и укорный,
—съ кругами синими углазъ,
Нынѣ—
—только пошлости и блуду,
Какъ тризнѣ прошлаго, я предаваться буду...
«Л ю б в и»—я не хочу:
Къ Свободѣ Плоти полечу!..

1913.

Отверженіе.

Я сталъ великъ съ тѣхъ поръ,
Какъ, отвергая Міръ Вчерашній,
Съ предѣльной грани Мнимой Башни
Въ бездонность внѣдрилъ взоръ!

...Привѣтствуя Позоръ,
Я сталъ силнѣе и державнѣй—
Бытя вѣковъ легендой давней
Шлю нашимъ днямъ Укоръ!

И въ *Отверженіи*—велики,
То цѣльностройный, то двуликій,
Сгорая жертвеннымъ огнемъ,
Сталъ днѣть я въ ночь, ночѣя днемъ...
Мечталъ:

— о явяхъ непонятныхъ,
О сновидѣньяхъ предзакатныхъ,
О безцѣльности Воскрылій,
О томленьяхъ Бѣлыхъ Лилій,
О безумьи Божества
И кошунствѣ Бытія..

Такъ въ предѣлахъ устремленіи
Безпредѣленъ былъ мой Геній—
И, дчѣя въ ночь, ночья днемъ,
Сгораль я жертвеннымъ огнемъ...
И я—сгорѣлъ

...Потухли огни самоцвѣта—
Лишь *пепелъ* священный остался...
И радостный Геніи Поэта
Съ ненужностью былей разстался!
Безъ треска лучины горящей
Талантъ станетъ ярче-глубиннѣй,
И путь, въ Бездну вѣчно-манящій,
Покроетъ Предвѣчности иней...

...Но пока я живъ—
То, отвергая Міръ Вчерашній,
Съ предѣльной грани Мнимой Башни
Стихомъ державлю мой мотивъ:
— Къ Отверженію!
—Въ Отливъ!..

1914.

Изъ „Книги Бытія“.

—„Нѣтъ Бога кромѣ Бога,
И Магометъ Его пророкъ“,—
Внялъ лозунгу святому
Весь фанатическій Востокъ...

Но Я вписалъ другую
Страницу Книги Бытія:
—„Нѣтъ Бога кромѣ Бога,
И этотъ Богъ— предъ вами—Я!“

Моя „любовь“

Люблю какъ-то странно:
Туманно, нежданно,
Гипнозно, заочно,
Блудливо, порочно,
Призывно, безпечно—
И зло-безсердечно...
Такъ нѣжно-мимозно...
Такъ тайно наркозно...
Келейно-альковно,
Приливно-любовно—
Люблю Васъ—*морфинно*,
— Люблю *кокаинно*!

1916.

Богатый наслѣдникъ *) .

...И скоро приблизится часъ полуночный,
И скоро услышимъ предсмертный, безмощный,
Безмощный, послѣдний вздохъ Стараго Года—
Кроваваго, злого Калѣки-Урода.

Сойдутся въ пещерѣ Истории-Сводни
Для счета послѣдняго въ часъ новогодни:
Минушаго призраки, бывшаго тѣни,
Призывы, обманы и вздохи сомнѣни...

Пощелкаетъ счетами Сводня-Старуха,—
Держать будутъ счеты: Война и Разруха,—
И *все* дастъ въ наслѣдство, подъ стоны мятели,
Все—Новому Году, въ его колыбели.

1916.

Декабрь.

*) Стихотворение подверглось категорическому запрету со стороны
«военной цензуры»

Кровь сладострастія.

(Посвящается памяти маркиза де-Садъ).

Когда твое вакхическое тѣло
Изнеможенно повлажнѣло,
На простыняхъ рисуя потный слѣдъ—
Когда раскинулись безсилно ноги,
Зажглись въ глазахъ твоихъ безумствъ чертоги,
И гимнъ Пріапу радостно пропѣтъ,—

Тогда, отдавшись страсти извращенной,
Возьму я ножъ изъ стали закаленной
И срѣжу имъ соски груди твоихъ...
Странаньемъ вскрикнетъ свѣтлыхъ глазъ ла-
зурность,
Мгновенно смеркнетъ алыхъ губъ пурпурность—
Искривность затрепещетъ въ нихъ...

И будешь ты, извивная такая,—
Вся въ судорогѣ, кровью истекая,
О прекращеньи жгучихъ мукъ молить...
А я, сильнѣй тебя обнявъ руками,
Къ открытымъ ранамъ припаду устами
И буду кровь вампирно-жадно пить...

(1907).

Улыбчатая Риома.

*Улыбчатая музыка автора
к этим строкам — выйдет
отдельным изданием.*

*[Право на публичное испол-
нение „Улыбчатых Ривмз“,
вo сопровожденiи напъвнаго
аномпанимента,— оставле
но авторомъ за собою]*

Эстетная фриволь.

Я—весь утонченно-эстетный,
Эстетный, какъ фейный привѣтъ:
Вершу путь мой злато-каретный,
Въ фриволи моей амуретный,
Мой путь, гдѣ шаблонностей нѣтъ!

Изысковъ ищу амулетныхъ
Въ созвучьи моихъ поэзеттъ...
Какъ скучень языкъ трафаретный,
Буфетный иль сверхъ-кабинетныи
Журналовъ и всякихъ газеты!

Разгулъ надоѣлъ кабарэтный:
Тамъ тоже—шаблонъ, этикетъ..
Тамъ женщины «Pontet Sanet»'ны,
Ихъ бѣдра устали замѣтно,
А бюстъ пахнетъ «Coeur de Jeanett».

Юнцы папиросно-салфетны—
Глупы, какъ трамвайный билетъ...
И портитъ мнѣ стиль наркозетный
Упрямый тамъ запахъ котлетный
И желтый на блюдѣ омлетъ!

Ужъ, если мнѣ быть шансонетнымъ—
То съ риемой пойду на паркетъ!
И, все позабывши конкретно,
Спляшу, вмѣстѣ съ риемой дуэтно,
Танго, «Très Mutard» и «Liquett'»!

Вѣдь тусклы въ стихахъ малоцвѣтныхъ
Жуковскіи, и Пушкинъ, и Фетъ?
Поэзы-жъ мои têt'-à-têt''ны,
Наркозны, скабрёзны, шербетны
И пряны, какъ «Crém'de Violett'».

Поэтъ-будуарно-кушетный,
Отравно-альковный поэтъ,—
Я, къ цѣли стремясь незамѣтно,
Стихомъ искрометно-ракетнымъ
Всѣхъ дѣвъ превращаю въ Grisett's!..

Люблю я изъ усть—самоцвѣтно
Краснѣ Erine-Vinnett' —
Пить тостъ «деми-вѣржный» запрещено,—
И знать, что устами тѣмъ отвѣтнымъ
Всего лишь четырнадцать лѣтъ...

Влечетъ женщинъ всѣхъ беззавѣтно
Въ наркозный мой кабріолетъ!..
—Но знайте: Везувіи и Этна
Въ «любви» для меня не эстетны--
И лучше ужъ... «à la fourchett'»!

1916.

Весеннее скерцо о женщинахъ.

Какъ много хорошенькихъ женщинъ весною,
Какъ много повсюду хорошенькихъ женщинъ!..
И съ каждою встрѣченной—взоромъ я скрещень,
И всякая кажется—новой, другою...

Мнѣ даръ увлеченья судьбою завѣщанъ...
Его всенародно свободно открою—
Открою, не скрою—апрѣльной весною—
Мой даръ отъ хорошенькихъ встрѣченныхъ женщинъ...

Равняясь улыбочато рядомъ со мною,
Ихъ юбки шуршать мнѣ: «Ты нами увѣнчанъ!»
И это, вѣдь, правда!—я царь среди женщинъ,
Въ Республикѣ «царь»—среди женщинъ весною!

Весенняя потопль струится изъ трещинъ,
Готовя покровы къ июньскому зною...
И въ слякоти улицъ—мелькаетъ весною
Какъ много повсюду хорошенькихъ женщинъ!

1917.

Свирѣльная пѣсенка.

Вспоминаю васъ я, дѣточки,
Васъ, рыбѣшекъ въ моей сѣточкѣ...
Какъ не спѣть мнѣ поэзеточки
Вамъ на память, мои дѣточки!..

Вспоминается Катюленька—
Славная моя дѣтуленька...
„Люли, люли, люли, люленьки“
Пѣлъ, качая я Катюленьку!

Пылкостью плѣняла Агнія,—
Страсть была, какъ вспышка магнія!—
Посылала въ слѣдъ мнѣ, крошечка,
Взглядъ ревнивый изъ окошечка!..

Не забыть и славной Леленьки,
Заразительно-веселенькой...
Какъ котенокъ, часто, голенькой
На коврѣ рѣзвилась Леленька!..

Вспоминаю дѣтку Зиночку:
Съ ней одну провелъ любви ночку —
Лишь одну—но томно - знойную,
Сладостно такъ безпокойную!

...Вотъ сидитъ со мной Наташечка
Пѣсенки поетъ мнѣ пташечка..
Передъ нами—съ кофе чашечки
И ликерь, что пьетъ Наташечка...

Быстро съ златокудрой Женечкой
Для меня неслося времячко:
Восхищался ея плясками
И утонченными ласками...

Цѣловалъ я у Ортрудочки
Нѣжно-трепетныя грудочки!
Были, точно незабудочки,
Глазки сини у Ортрудочки.

Звонкій слышался смѣхъ Ниночки
Въ Сестрорѣцкѣ изъ кабиночки.
Ледъ глотала изъ бокальчика
И, порой, казалась мальчикомъ...

Промелькъ вешняго—Колетточка
(Вотъ на шейкѣ мышка-мѣточка),
И всего пятнадцать лѣточекъ
Было дѣвочкѣ-Колетточкѣ!

Какъ меня любила Олечка!..
Не жалѣла ласкъ нисколичко!
У камина грѣла ноженьки..
За меня молилась Боженькѣ...

Помню алый ротикъ Сашеньки,
Черноокой, какъ черкашенка..
Надѣвать свою рубашеньку
На меня любила Сашенька...

Много лѣтъ подъ рядъ зналъ Зоиньку,
Но она была все «новенькой»:
Сладко-плѣнною диковинкой
Для меня былъ „зайчикъ“—Зоинька...

. . .
Нѣту многихъ нынѣ дѣточекъ...
...Улетѣли птички съ вѣточекъ...
Но другихъ на жизни лѣсенкѣ
Встрѣчу—вновь включу всѣхъ въ пѣсенки!

1916.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
<i>Апологетъ наркоза.</i> Предисловіе Н. Н. Евреинова .	5
<i>Республика любви.</i> Вступительное стихотворение	17
П Р О З А.	
<i>Любовники Ночи.</i>	21
<i>Улыбка боговъ.</i>	29
С Т И Х И.	
<i>Танецъ Взвиви.</i>	49
‡ Поэзо-музъ:	
Эрото-зовъ.	55
Торжество наркоза.	57
Призывъ бирюзовый.	59
Цвѣточный наркозъ.	60
Волна баркарольная.	61
Девятый Вальъ.	63
Коддунъ колдующій.	64
<i>Три любовницъ.</i> Вариантъ на мотивъ О. Мирбо	67
Стихотвореня 1907—1916 гг.:	
Вселенскій Сутенерь.	75
Вызовъ.	76
Муть.	77
* * *	78
* Отреченіе	79
Отверженіе .	87
Изъ „Книги Бытя“	83
Моя „любовь“	84
Богатый наслѣдникъ	85
Кровь сладострастія	86
Улыбчатыйя риѣмы:	
Эстетная фриволь	89
Весеннее скерцо о женщинахъ	91
Свирѣльная пѣсенка	92

КНИГИ ВЛАДИМИРА ОРТА:

Республика любви. Книга стиховъ и прозы, съ предисловіемъ *Н. Н. Евревинова*. 1-ое издание, съ портр. автора. Рис. обложки *Бердслей*. Пгр. 1918 г. (*Складъ изд.—5 Рождественская, 44*).

Республика любви. Книга стиховъ и прозы, съ предисловіемъ *Н. Н. Евревинова*. Особое худож. издание на плотной мѣловой бумагѣ. 300 нумерованныхъ экземпляровъ. (*Складъ изд. у автора*).

Готовится къ печати:

Орхидейныя орги. Вторая книга стиховъ и прозы.

Паркозныя патьвы. Сборникъ поэзо-музъ, съ приложениемъ нотъ оргин. патьвнаго аккомп. (для рояля).

Музыкальныя произведенія:

(В. Витортъ):

Mazurka Caprice. (для рояля). 1-ое изд. „Съв. Лира“ РАСПРОДАНО.

„ „ „ 2-ое изд. РАСПРОДАНО.

„*La neige fond*“ и „*Petite causerie*“. Музык. миниатюры для рояля. Изд. 1-ое. „Съв. Лира“. РАСПРОДАНО.

„*Дивный запахъ бѣлыхъ розъ*“.—Романсъ. Изд. К. Розе.
